

Пролог

-Строим параболу, ветви направлены вниз... - распиналась, своим хриплым и сухим голосом, пожилая женщина, лет семидесяти, стоя у доски и рисуя своими сморщенными руками график.

Первая - и большая часть класса - уткнулась в тетради и начала шаркать карандашами по тетрадям, как и сказала женщина, вторая часть - уже поменьше - продолжала шептаться, изредка посмеиваясь и хихикая. Ну а третьей частью был я - сонный и измученный, но в то же время очень довольный собой. Я сидел с поникшей на столе головой, последняя прочитанная книга на этой неделе далась мне нелегко, забрав остаток моего сна, а так же принес с собой дикое удовлетворение.

Если вы хотя бы однажды читали книгу, которую писал, поистине гениальный автор, и у которого была такая же гениальная история, то вы должны понять меня. Нельзя оторваться от этой истории, особенно в конце, когда раскрываются финальные секреты и читатель получает неимоверное удовольствие от этого. Поэтому даже недосып не остановил меня.

Глаза предательски горели и просили, чтобы я их побыстрее закрыл и ушел в глубокий сон. Но уснуть посередине урока? Извольте, такого подвига я еще не совершал. Я старался изо всех сил, которые во мне еще остались, слушать учителя и не заснуть, черт возьми, как же это было сложно. Особенно сидя на последней парте, за которой тебя никому не видно - воистину дьявольское искушение.

Для того, чтобы облегчить свою ношу, я перевел взгляд влево - на окно, из которого открывалась довольно-таки интересная и приятная картина. Медленно падал пушистый снег, скапливаясь плотным полотном на земле. Покрывал голые кроны деревьев белым одеялом. Его размеренные движения были похожи на танец, медленный и изящный, что несомненно сыграло свою роль, и я замороженный этим танцем, начал поневоле закрывать глаза - сопротивляться сну уже было бесполезно, усталость взяла свое, и даже голоса одноклассников и учителя не могли бы меня вернуть в рабочее состояние. Я положил свою голову на руки, и медленно отправился блуждать в далеко царство Морфея.

-Офиус! - Окликнул меня человек, в черных, будто уголь чешуйчатых доспехах. Черные пластины плотно прилегали друг к другу, не оставляя ни одного зазора. На груди были будто выгравированы красные, текучие жилки, которые быстро и ритмично пульсировали. Шлем - вытянутый, с тремя острыми концами, закрывал лицо того, кто ко мне обращался. Внутри закрытого забрала полыхал оранжевый свет.

Оглядевшись, я увидел, что стою в центре полуразрушенного строения. Мраморные колонны, проходящие вдоль здания, были в многочисленных шрамах сражения, некоторые, отколовшиеся части упали, оставив под собой трещины в каменном полу. Стены были расписаны живописными узорами, которые соединялись в одну картину высоко на потолке. Факела, горящие на колоннах, отбрасывали слабый свет на фигуру, стоящую вдали от меня.

-Офиус, ответь мне, - его голос прозвучал точно гром, среди ясного неба, заставив все у меня в груди невольно сжаться, - почему ты предал нас? Зачем ты убил Деву? - в его голосе, и так столь яростном, полыхал гнев.

Не дожидаясь моего ответа, он начал медленно подходить. Его шаги отдавались эхом в этом здании, похожим на церковь. Вытянув руку, он что-то прошептал про себя, и в его руке начал формироваться клинок, метра полтора в длину. Величественный и изящный, на нем были

вырезаны многочисленные символы, которые я не узнал, но у самой гарды был явно виден знакомый мне знак. Знак зодиака – Лев. Именно этот знак горел ярко красным, освещая шедшую фигуру.

Только сейчас я заметил, что был облачен в изумрудно-серебряную броню, она выглядела очень крупной, но находясь в ней, я почти не ощущал ее веса, будто был одет в легкую повседневную одежду. Мой доспех был гладким, посмотрев на него, я так же не увидел не одного стыка между пластин, что было очень странным, ведь мои движения ничуть не сковывались.

Снова подняв взгляд на фигуру, я увидел, что он встал в метрах пяти от меня и спросил:

- Офиус, ты ответишь мне, зачем ты это сделал? – Это был уже не тот голос, исполненный горячим гневом, который исходил от него десять секунд назад. Это уже был голос наполненный ледяным, пронзающим гневом, направленным на меня.

Не зная, что ответить, я решил сказать первое, что пришло мне в голову, под напором этого человека:

- Я не хотел этого. – Мой голос показался мне чуждым, он был грубым, как сталь, и столь же виноватым, хотя я не понимал почему.

Мои слова явно разозлили его еще сильнее и не раздумывая он бросился на меня. Он был настолько быстрым, что одним махом преодолел расстояние отделявшее нас и замахнулся на меня своим прекрасным мечом. Я сильно удивился этому, но мои руки двигались сами по себе, будто я повторял это движение уже сотни и тысячи раз, я отвел тыльной стороной своей бронированной перчатки его меч, и резким выпадом другой руки ударил его в грудь. Он отлетел на несколько шагов от меня, по его грудной пластине пошли легкие, едва заметные трещины. Взглянув на свою руку, я увидел ту же самую картину, перчатка покрылась тонкой, светящейся паутиной, разошедшейся по ней.

Но не успев налюбоваться, он снова прыгнул на меня, заноса свой меч, для удара в бок. Я резким движением попытался отойти от его клинка, но он был быстрее, и удар прошелся мне по правой руке, откинув меня в колонну. Я всем телом влетел в нее, но почти ничего не почувствовал, но вот от удара мечом, моя рука онемела. Опираясь на одну руку, попытался встать, но пинок по ребрам лишил меня этой возможности. Прокатившись по мраморным обломкам, я остался лежать на спине, воздух выбился из моих легких. После этого пинка, голова у меня начала кружиться, подняв взгляд, я увидел, что человек подошел ко мне и прижал своей ногой мою грудь.

-Я ожидал от тебя большего, Офиус, - он занес своей меч и начал пытаться пробить мои доспехи. Каждый удар после себя оставлял все больше и больше тянущихся паутинок. Боль с каждым ударом все усиливалась, доспехи сияли все ярче и ярче, мой голос, вырывался сухим криком из легких. Спустя десяток ударов, грудная пластина взорвалась, на секунду ослепив нас своим светом, он убрал ногу и отошел, закрывая свое лицо рукой. Я машинально вытянул руку, схватил несколько крупниц света, сжал кулак, и прошептал слова, которые появились в моей голове:

-Первент, гладио первхент Офиучум, - последние слова вырывались из меня, как искры, вылетающие на наковальне. В руке, за долю секунды сформировался меч, изогнутый, но не менее прекрасный, чем тот, что летел и хотел пронзить меня. В последний момент я успел подставить клинок, и удар, проскользив, прошелся мне по плечу. Резко отмахнувшись своим

мечом и отогнав человека, я ощутил тяжесть, не только меча, но и доспехов, сейчас они не были таким легкими, как прежде. Будто большая часть их сил содержалась в грудной пластине, а когда она разрушилась, они покинули меня. Я попытался быстро встать, но это явно было не настолько быстро, как мне хотелось. Я ожидал еще одного удара, но он просто стоял, и ошеломленно смотрел на меня, будто не мог поверить своим глазам. После секундной задержки, он пришел в себя, и снова бросился на меня. Наши клинки скрестились, мы плясали в быстром танце, то скрещивая, то разъединяя, свои клинки, искры летели, когда мечи соприкасались друг с другом. Мои движения были плавными, точными и быстрыми, словно я провел уже сотни битв, оттачивая свое мастерство. Он ничем не отставал от меня, мы обменивались сотнями ударов, уклонялись, нападали, все это продолжалось очень долго, но всему приходит конец.

Вот и мои силы начали уходить, почти из всех пластин брони лился изумрудный свет, во время боя, у меня лопнул наплечник, и сейчас броня казалась мне как тяжелый балласт, передвигаться в ней было почти невозможно. В последний раз занеся свой клинок на человека, он выбил его из моих рук своим мечом, тот пролетел, и рассыпался изумрудным светом на каменном полу. За все время сражения я сумел сломать его бронированную перчатку и из всех пластин у него лился красный цвет, жилки на груди, горели как пламя, и пульсировали в такт его дыхания, оно было тяжелым, он явно, тоже устал, но еще мог сражаться.

Я упал на колени, не в силах больше держаться на ногах, все тело словно было налито свинцом, мышцы были напряжены, меня пробирала дрожь. Тело было мокрым и усталым. Потом мне в грудь пришелся стремительный удар ногой, поваливший меня на спину. Удар был настолько сильный, что я услышал хруст в груди, боль пронзила все тело. Я упал рядом с колонной, на ней тускло горел факел, мой взгляд с трудом мог на нем сфокусироваться, его пламя медленно полыхало надо мной.

Дышать было невозможно, боль в груди мне этого не позволяла, и я лежал, пытаюсь вдохнуть, хотя бы крупицу воздуха. Через несколько секунд я увидел человека, повалившего меня, заслонив факел надо мной, он снял свой шлем, волосы у него были мокрые и прилипшие друг к другу, огонь в его глазах до сих пор горел гневным пламенем.

Наверно не об этом нужно думать, когда умираешь, но этот человек был самым величественным, из всех кого мне доводилось видеть, даже с затуманенными глазами, я смог рассмотреть его. Короткая борода подчеркивала его грубые черты лица, и особенно подходила его рыжим, как пламя волосам. Он стоял и смотрел на меня, задыхающегося и беспомощного. После он поднял свой клинок и со словами: "Прости меня, друг". Опустил его на меня. В последний момент я увидел нотку печали в его глазах. А после весь мой мир окутала тьма.